
А.И. Любжин

Статья поступила
в редакцию
в августе 2008 г.

ХАРЬКОВСКИЙ КОЛЛЕГИУМ В XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.¹

Аннотация

Переход от славяно-греко-латинской школы к коллегиуму — существенный этап в становлении светского и духовного образования в России. В архивных документах автором исследуется структурная эволюция новой модели образовательного учреждения, чрезвычайно важной в политическом смысле для отечественной культуры XVIII в.; анализируются организационное устройство, особенности финансирования, а также содержание учебных программ.

Харьковский коллегиум — явление в истории отечественного образования одновременно и уникальное, и типичное. Его типичность заключается в том, что он был одним из училищ, созданных в рамках первой в России образовательной системы — духовной, возникшей по воле Петра I в последние годы его царствования в силу Духовного регламента Феофана Прокоповича (25 января 1721 г.). Уникальность же этого учебного заведения состоит в том, что оно — единственное среди православных духовных училищ — носило гордое имя коллегиума², свойственное скорее католическим, прежде всего иезуитским, школам, которые и послужили образцом для творцов духовной школы, было лучшим в своей «весовой категории» и в меньшей степени, чем какая-либо иная семинария, было корпоративной школой духовенства, т.е. сумело выполнить волю Петра³. Что же касается средств, необходимых для содержания училищ, то было предписано брать двадцатую долю хлеба с монастырей и тридцатую — с церковных земель [4. С. 33] (нежелание тратить на просвещение государственные средства впоследствии будет свойственно и Екатерине Великой). Во главе училищ Регламент ставит ректора и префекта, которым предписы-

¹ Впервые описание Харьковского коллегиума было включено в «Топографическое описание Харьковского наместничества с историческим предведением о бывших в сей стране с древних времен переменах, взятым к объяснению деяний и хронологии из Татарской Истории Бандур-Хана Абдулгады, Российской Истории Князя Щербатова, Начертания Европейской Истории Готтфрида Ахенвалла, и Политической Истории Самуила Пуффендорфа» [18. С. 138 слл]. В основном наш очерк опирается на сведения, собранные в двух работах: Багалея Д.И., Миллер Д.П. Истории города Харькова за 250 лет его существования [1; 2] и Лебедев А.С. Харьковский коллегиум как просветительный центр Слободской Украины до учреждения Харьковского университета [11], а также на статьи, приведенные в труде Д.И. Багалея и Д.П. Миллера [2. С. 391–392]: на них будут даваться отдельные указания.

² Лат. collegium, фр. collègue; в латыни слово среднего рода, что соблюдается и в русском языке первой половины XVIII в.

³ Занятно, что в новой нашей энциклопедии система духовных школ XVIII в. — в ту эпоху становой хребет русского образования как такового — обойдена вниманием [3. С. 676 слл].

вается посещать не менее двух школ (т.е. классов) в неделю и под страхом жестокого наказания следить, чтобы ученики прошли курс до конца. Различие в их полномочиях и обязанностях Регламентом не устанавливается; по-видимому, это казалось совершенно очевидным для клира петровских времен и не требовало пояснений. На ректора (архимандрита монастыря, при котором была семинария) возлагалось общее руководство, а также преподавание в высшем — *богословском* — классе; префект был руководителем второго (*философского*) класса. Эти два класса составляли высшую ступень; ниже были — в порядке убывания — *риторика*, *пиитика*, *синтаксис* («синтаксима»), *грамматика*, *инфима* (низший) и *аналогия*, или *фара* (подготовительный) [7. С. 53].

Строгое и четкое строение русской духовной школы в Регламенте Феофана Прокоповича предстает в искаженном виде; вводится ненужная «политика», философия разделяется на несколько классов, а предметы «реального» цикла образуют собственные классы, вместо того чтобы войти в состав основных. Однако, по-видимому, все довольно скоро вернулось на круги своя: уже в жалованной грамоте императрицы Анны, о чем пойдет речь ниже, упоминаются пиитика, риторика, философия (не предусмотренная Регламентом как отдельный класс и разбитая на логику, диалектику и метафизику) и богословие, а вовсе не эти нововведения. Харьковский коллегиум вместе с другими духовными школами вернулся на прежнюю стезю: вбирая естественнонаучные предметы и новые языки, он к началу XIX в. включал три грамматических класса (начальный, средний и высший), пиитику, риторику, философию и богословие¹. Регламент предписывал содержать школы в сельской местности, подальше от шума и соблазнов; в этом отношении также дело обстояло совершенно иначе: когда в 1739 г. епископ Петр Смелич перевел коллегиум в связи с эпидемией в свою слободу Грайвороны и хотел оставить там, когда опасность уже миновала, Синод указал ему: «Таковым знатным училищам в селех быть весьма неприлично, а наипаче от внешних стран имеет быть не без зазрения» [11. С. 9].

Первоначально славяно-греко-латинские школы были созданы в Белгороде, где находился архиерейский дом пастыря Левобережной Украины преосвященного Епифания Тихорского. Начало было положено в 1722 г., а через четыре года в училище было уже

¹ «К концу царствования Анны Иоанновны (1740 г.) насчитывалось уже 17 семинарий типа средних школ. Однако это был лишь «тип» средних школ, но не полнота их предметов и ступеней. Не хватало ни учителей, ни материальных средств. Даже аннинское «кабинетское» правительство, взявшее в свой контроль все хозяйство церковных земель, убедилось на деле, что развернуть полную программу духовных школ, даже только с материальной стороны, архиереям непосильно. В 1738 г. поставлен был впервые вопрос о казенных «штатах» для семинарий. Но «временно и пока» различные ассигновки получили только три «видных» семинарии: СПб Невская, Новгородская и Казанская. Жестокие аннинские «разборы» уменьшали количество кандидатов, навстречу этому шел недостаток самих учителей. Так на деле и получалось, что и набирать в школы учеников приходилось силой, и учить их удавалось едва грамматике, не доходя даже до риторики, не говоря уже о философии. Единственно в Харьковском Коллегиуме возвысились до богословия» [8. С. 548].

шесть классов (до риторики включительно). Но князь Михаил Михайлович Голицын, который в то время управлял Слободской Украиной с резиденцией в Харькове, уговорил преосвященного Епифания перевести туда новосозданную школу. Впоследствии Голицын был одним из наиболее влиятельных покровителей коллегиума, и память о нем всегда свято чтится в стенах училища; приведем его предписание подведомственным чинам: «По указу Ея Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской и проч. Аз, учрежденный Ея Императорского Величества над войсками генерал-фельдмаршал и кавалер ордена Св. Андрея Первозванного, Александра Невского, и лейб-гвардии полку Семеновского полковник, сим объявляю: которые местности, принадлежащие до Харьковского Коллегиума, состоят в полку Харьковском, тех местностей обывателем обид и налог, кто б, какого звания ни был, не показывать, и сверх определенного по указам Ея Императорского Величества, безденежно ничего не брать, высшим — под опасением воинского суда, а нижним — наказания на теле, по силе преступления; того ради во верность сего подписую рукою своею властною, с приложением печати. Москва, марта 19-го дня 1730 года. Князь Голицын» [16. С. 177–178].

Коллегиум был поставлен на более широкую ногу, распахнул свои двери для представителей всех сословий и сразу же стал важным центром просвещения левобережья Днепра. Отмечая эти ожидания, один из сотрудников училища, «авдитор риторского ученья» Илья Филиппович, поднес преосвященному пространный адрес с такими силлабическими виршами [11. С. 36–37]:

Да слышат прилежно днесь сия вси языцы,
Да зрят премудрых мужей краснейшие лица,
Притецете смело вси окрестные страны,
Да увидите дом сей мудрости без брани,
Епископом Тихорским в Харькове преславно
Созданный тако всей России явно.
Днесь паче Украино светися малейша,
Иногда мала суща, ныне же честнейша,
Сицевый премудрости дом в себе имуща,
Прославляйся днесь всяко в веселии суща;
Восплещи ныне крили, орле двоеглавний,
Превозноси свой скипетр великодержавний,
Храни сие Тихорским собранное стадо,
Покрый своими крыли, яко отец, чадо,
Им же и сам повсюду присно прославляйся,
Аки крины удольны, оным украшайся;
Днесь помощию Бога Тихорским собранно
Веселися, еси бо стадо предызбранно...

Коллегиум разместился в доме в центре города, купленном за 500 рублей у полковника Лаврентия Шидловского (где и пребывал до 1850 г.); привести его в состояние, пригодное для занятий,

стоило немалых трудов. Князь Голицын, епископ Епифаний и многие жители города внесли в Покровский училищный монастырь, при котором состоял коллегиум, щедрые дары: преосвященный пожаловал ему доходы от чудотворной иконы Каплуновской Божией Матери (до 600 рублей в год), дворовое место было пожертвовано «вдовою сотника Даниила Леонтиева Черняка Агафьей Григорьевой дочерью» в 1729 г. «в вечное богомолье к новоустрояемым славяно-греко-латинским школам» (позднее, в 1770 г., стараниями преосвященного Самуила здесь был построен одноэтажный корпус — бурса — для помещения воспитанников-сирот духовного звания). В городе коллегиуму принадлежало более 30 дворовых мест с разными постройками, в том числе постоянными дворами, питейными домами и пивоварнями, а за городом — лучшие угодья. Взимался в пользу училища и назначенный Регламентом сбор. Кроме того, епископ Епифаний сумел выхлопотать у императрицы Анны Иоанновны жалованную грамоту коллегиуму; библиотека последнего по указанию самодержицы получила книжное собрание Стефана Яворского.

У этой щедрости была, конечно, и своя теневая сторона. Преосвященный Досифей, белгородский епископ, 29 октября 1732 г. докладывал Священному синоду: «Давно бы мне надлежало вашему святейшеству учинить ведение о нуждах Коллегиум Харьковского, но я ожидал от вашего святейшества на прежнее мое доношение резолюции, якую ныне получа, вашему святейшеству всемирно предьявляю. Надлежит при Коллегиум Харьковском устроить семинариум, ограду каменную, не худо бы и кельи каменные устроить; часы надобно устроить же; в С. Петербург надобно посылать выправлять грамоту на починки и на прочие грунта, чтобы Коллегиум Харьковское могло иметь на чем жить основание; церковь еще недостроена, иконостас в церковь делается, надлежит заплатить сницарям (резчикам. — А.Л.) триста рублей; маляр — ево все материалы и золото — восемь сот рублей надлежит заплатить же, колокол подрядили делать во сто пуд; в дополнение библиотеки много еще надобно казны. Студенты, которые посланы от покойного антецессора в Германию для научения, требуют на вексель двести червонцев. И на оные нужды откуда мне получить иждивения, прошу всемирно вашего святейшества резолюции. А мне келейным моим доходом когда бы Бог пособил дом архиерейский, от двадцати лет впусе стоячий, елико мощно поисправить: бо не точию людем моим, но и мне самому жить негде, живу як схимник, одна келейка да ковнатка (sic. — А.Л.) деревянные, и то весьма ветхие; все сгнили. Покойный Иустин Васильевич устроил каменную ограду, и та вельми худо строена, вся валяется. А после ево в доме архиерейском никто ни на полтину ничего не устроил: все обветшало, един срам только — дом архиерейский стоит. Еще же вашему святейшеству всемирно предьявляю, что антецессор мой Коллегиум Харьковское строил таким видом: имел великого патрона и почитай он фундатор того Коллегиум —

покойный князь Михаил Михайлович Голицын. Он и своим знатным укладом, и здешних господ всячески и прошением и приказанием понуждал на строение того Коллегиум. Також и антецессор многи-ми прошениями во всей епархии и с господ, и с священников денежно и прочими запасами на тое Коллегиум собирал. А сверх того отчинки домовые, которых самое малое число имеется, всего тысяща душ, вовсе разорил. А которая слобода Черкас, тые разошлись для несносной Коллегиум Харьковской работы, о чем здесь всем обывателям известно. О чем вашему святейшеству благопочтенно, при всенижайшем поклонении, предъявляю» [16. С. 659–660].

Безусловно, не всеми средствами коллегиум мог располагать по своему усмотрению. Многие доходы присваивались архиерейским домом, по поводу чего возникала неприятная переписка с Синодом. Кроме того, церкви и монастыри, особенно бедные, всячески уклонялись от назначенного сбора, ссылаясь на то, что коллегиум и так достаточно обеспечен. Но при всем при том можно сказать, что это была одна из наиболее зажиточных духовных школ в России (вплоть до царствования Екатерины II). Конфискация церковных земель изменила материальные источники: вместо хлебного сбора в 1765 г. велено было отпускать коллегиуму ежегодно по 816 рублей 39 3/4 копейки. С 1780 г. в казну отошли доходы от иконы Каплуновской Божией Матери, взамен чего по новым штатам стали отпускать по 2000 рублей в год (вплоть до 1817 г.). Но училище не было оставлено меценатами: сын уже известного читателю князя Голицына Дмитрий Михайлович¹ пожертвовал 10 000 рублей, Марья Петровна Шереметева, урожденная Голицына, — столько же в пользу бедных учеников, и еще ту же сумму для них же и для наставников. Александр Михайлович (двоюродный брат Дмитрия Михайловича) внес 5000 рублей в пользу бедных учеников, а граф Николай Петрович Румянцев, родной племянник Михаила Михайловича Голицына по матери, — 2000 (для чеканки серебряных медалей на проценты с суммы). Проценты с этого капитала составляли 1750 рублей в год.

Содержание наставников было довольно скромным². При Епифании Тихорском учителя начальных классов получали по 5 рублей в год (не считая хлебной руги), средних — по 8 рублей, шестого — 12 рублей, учитель философии — 14 рублей. В 1757 г. на жалование учителям расходовалось 335 рублей. С 1765 г. годовое жалование учителей было увеличено до 566 рублей, но они были лишены монастырского содержания. Для сравнения: жалование профессора Императорского Московского университета екатерининской эпохи — 400–500 рублей в год (что не обеспечивало роскошной жизни).

¹ Кроме того, в память благодеяний своего отца он пожертвовал коллегиумской библиотеке бронзовые медали [18. С. 135].

² Рубль 1730-х годов, по подсчетам В.О. Ключевского, был по своей покупательной способности в 10 раз выше, чем в его время, а 1740-х — в 9 раз [10. С. 59–119]. Отличительная черта екатерининской эпохи — сравнительно высокий уровень инфляции. Поэтому цифры не должны вводить в заблуждение.

В XVIII в. коллегиумом руководили следующие ректоры и префекты (многие из них позднее проявили себя с лучшей стороны на церковном поприще): ректоры — Платон Малиновский из Московской академии, впоследствии архиепископ Московский; Варлаам Тицинский (именно при нем училище достигло такой зрелости, что появилась возможность преподавать богословие), он был (как и его преемники до 1742 г.) архимандритом Старо-Харьковского Куряжского монастыря; Митрофан Слотвинский (впоследствии ректор Московской академии и архиепископ Тверской); Афанасий Топольский (первый, кто был посвящен в архимандриты Покровского училищного монастыря); Геден Антонский, Рафаил Мокренский, Константин Бродский (прежде — префект Московской академии), Иов Базилевич, впоследствии Переяславский епископ; особенно велики его заслуги в создании библиотеки коллегиума, для которой он устроил помещение и пожертвовал много книг; Лаврентий Кордет, построивший каменный Сиропитательный дом для бедных учеников; Варлаам Мисловский (из учителей коллегиума; вершина его карьеры — ректорство в Киевской академии); Василий Базилевич; архимандрит Досифей (последний управлял коллегиумом до 1800 г., когда была учреждена Слободскоукраинская епархия и Покровский монастырь превратился в архиерейский дом).

Префектами коллегиума были иеромонахи Иларион Григорович, Митрофан Слотвинский, Кирилл Галич, Афанасий Топольский, Гавриил Запрудинский, Амвросий Попель, Рафаил Мокренский, Епифаний Белогородский, Иакинф Карпинский, Феофан Федоровский, Иов Базилевич, Лаврентий Кордет, Филарет Финевский, Михаил Шванский (священник, позднее протоиерей Успенского собора; о нем еще пойдет речь ниже), Иеракс Емельянов (иеромонах), Андрей Прокопович. Сравнивая эти списки, можно сказать, что назначение префекта на ректорскую должность не было правилом, но не было и исключением; исключением были, скорее, ситуации, когда ректором становится учитель, не бывший префектом.

Теперь обратимся к предметам и способу их преподавания. Естественно, основой всего курса был латинский язык: предметы высших классов читались по-латыни, и положение изменилось сравнительно поздно (по-видимому, в александровскую эпоху, а возможно, и в николаевскую). Е. Топчиев, питомец коллегиума уже в XIX столетии, сообщает [2. С. 688–689]: «Меня и брата... определили в Харьковский Коллегиум. Во время моего там ученья в первых трех классах господствовал латинский язык, до того, что переводили из класса в класс единственно по успехам в нем; в прочих же предметах экзаменовали так снисходительно, что не отвечай ни из одного, — незнание не было ученику препятствием к переходу в высший класс. Кто мог отвечать учителю латинской фразой и при этом вел себя добропорядочно, тот сидел на первой скамье, как прилежный ученик, — а этой чести добивались многие и оттого у учеников и вошло в обычай говорить по латыни и между собою, сперва с примесью русских слов, смотря по тому, какого

класса был говоривший; но дойдя до риторического, уже каждый объяснялся свободно, без примеси русских слов. В моей памяти осталась жалоба ученика инфимы... на другого: “Его став на каменючку; ille пхнув; его покотывся, caput розбывся, а sanguis в дирочку дзюр-дзюр”». О том, что это был единственный основательно преподававшийся предмет, вспоминал и будущий историк М.Т. Каченовский, к чьему свидетельству о жизни коллегиума мы еще обратимся. Латинскому языку обучали прежде всех прочих¹, за исключением, конечно, русского, который создавал дополнительные трудности для коллегиумистов: украинцу очень тяжел чистый, без акцента великорусский выговор, а перипетии карьеры духовного лица требовали его безусловно.

Каким образом проходили занятия и в чем заключались основные виды заданий, так называемые экзерции и оккупации²? Сохранившиеся листы из ученических тетрадей 1750–1753 гг. помогают нам проникнуть на урок³. Очевидно, что преподавание ориентируется не на классическую грамматику, а на язык Вульгаты. При серьезном отношении к грамматике и беглости разговорной речи поражает скудость читаемого корпуса текстов: в инструкции, на которую мы уже ссылались, упоминаются (в риторическом и поэтическом классах) дистихи Катона⁴, Федр, Овидий (одна элегия из *Tristia*) и одна ода Горация; из Цицерона — речь за Кв. Лигария, также некоторые речи из Саллюстия, Курция и того же Цицерона *De officiis* («Об обязанностях», или, как переводили в XVIII в., «О должностях»), а из новолатинских авторов — Мурета речь о пользе и превосходстве свободных наук⁵. Впрочем, изучение российской словесности (по вполне понятным причинам) основывалось на еще более скудной программе. Итак, можно сделать вывод, что чисто языковые задачи стояли на первом плане при изучении латыни (в отличие от московских гимназий и Благородного пансиона, где то и другое находилось в равновесии).

Новым языкам — как, впрочем, и древнегреческому — уделялось тоже пристальное внимание. Изучению последнего способствовала близость греческой колонии в Нежине; что же касается новых языков, то белгородские архиереи не жалели на них средств и трудов. Так, еще преосвященный Епифаний отправил нескольких лучших студентов за границу для этой цели. На рубеже 1730–1740-х годов епископ Петр Смелич расширил круг преподаваемых предметов, что как раз и делало коллегиум привлекательным не

¹ См., например, инструкцию ректору Иову и префекту Михаилу Шванскому [11. С. 73]: «Ученикам латинской грамматики отнюдь не позволять другим языкам учиться, по тех пор, пока из класса грамматического как латинского, так и русского не выйдут».

² Лат. *occupationes* (дословно: занятия).

³ См. [13]. Работа основана на следующем архивном источнике: Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 310. Ед. хр. 72.

⁴ В эпоху Средневековья эта элементарная (но не без определенных дидактических достоинств) поэзия широко использовалась в преподавании; современным латинистам имеет смысл обратить на них внимание.

⁵ M. Antonii Mureti Oratio de utilitate ac praestantia litterarum humaniorum adversus quosdam earum vituperationes. Habita Venetiis Anno MDLV.

для одного только юношества из духовного сословия. При нем существовали классы французского языка, истории и математики; но потом, в 1741 г., они были упразднены, что можно характеризовать как временный упадок преподавания. Изучение математики и новых языков было восстановлено при Екатерине II. 6 июля 1765 г. она написала в инструкции губернатору Слободской Украины: «К преподаваемым ныне в Харьковском Коллегиуме наукам прибавить класс Французского и Немецкого языков, Математики и Геометрии и Рисования, а особливо Инженерства, Артиллерии и Геодезии, на что и сумма до трех тысяч рублей из неокладных доходов определяется; и у кого тот Коллегиум в ведомстве состоит, с тем губернской канцелярии о лучшем восстановлении и распространении наук, учиня сношение, употребить общее старание» [18. С. 135–136].

Эти классы¹ были учреждены²; А. С. Лебедев в своей работе приводит «рописание часов, по которым имянно должны обучаться как латинского языка, русской грамматики, риторики и поэзии, тако ж и языков иностранных и других искусств, в новоприбавочных классах преподаваемых Харьковского Коллегиума ученики»³:

Часы	В понедельник поутру:
7	Греческого языка.
7 и 8	Итальянского языка.
8 и 9	Граматики латинской и начатков латинского языка.
10	Российской грамматики, а должны обучаться как ученики латинской грамматики, так ученики первого класса.
9	Риторики и пиитики латинской.
10	Те ж самые ученики риторики российской и стихотворства.
9 и 10	Философии и богословии.
11 и 12-го половина	Немецкого и французского языков, арифметики, геометрии и рисованья.
	После обеда:
1 и 2	Граматики латинской и начатков латинского языка.
3	Граматики российской, а должны ученики обучаться все те, которые и поутру обучаются.
1 и 2-го половина	Латинской риторики и пиитики.
2-го половина и 3	Российского красноречия и стихотворства.
2 и 3	Философии и богословии.
4 и 5	Архитектуры, истории и географии.
6 и 7	Живописи.
	Рисованья другой раз, то есть по обеде, в 2 и 3 часа ученикам Кол.
	Во вторник поутру:
7	Греческого языка.
7 и 8	Итальянского языка.
8 и 9	Граматики латинской и начатков латинского языка.
10	Российской грамматики.
9	Латинской риторики и пиитики.
10	Российского красноречия и стихотворства.
9 и 10	Философии и богословии.

¹ 1768 г.; приведенное расписание — 1769 г.

² Впоследствии, при учреждении Харьковского народного училища (середина 1780-х годов), они вошли в его состав.

³ См.: [11. С. 58–59]. Положение о прибавочных классах см. [1. С. 551 слл].

Часы 11 и 12-го половина	В понедельник поутру: Арифметики и геометрии.
2 и 3 6 и 7	По обеде: Немецкого и французского языков, також архитектуры. Живописи. По сей росписи и в четверток обучать.
7	В субботу поутру: Греческого языка.
7 и 8	Итальянского языка.
8 и 9	Грамматики латинской и начатков латинского языка.
10	Российской грамматики.
9	Латинской риторики и пиитики.
10	Российского красноречия и стихотворства.
9 и 10	Философии и богословии.
11 и 12-го половина	Французского и немецкого языков, арифметики и геометрии.
1 и 2	По обеде: Латинской грамматики и начатков латинского языка.
3	Российской грамматики.
1 и 2-го поло- вина	Латинской риторики и пиитики.
2-го половина и 3	Российского красноречия и стихотворства.
	По сему росписанию обучать в зимние месяцы от октября до апреля.

Эти классы, по утверждению исследователя, организованы были так, чтобы занятия могло посещать не только харьковское юношество, но и сами коллегиумисты: по-видимому, подразумевается, что им были интересны в этой программе дополнительные предметы, преподававшиеся во второй половине дня, и новые языки. Когда главнокомандующий Второй армией граф П.И. Панин в 1770 г. был проездом в Харькове, ученики коллегиума говорили в его честь речи на немецком, французском и итальянском языках, причем выбирались для этой цели такие коллегиумисты, которые могли и отвечать что-то графу с достойным произношением. Что же касается греческого языка, не будем забывать, что один из выдающихся русских эллинистов первой половины XIX в. — переводчик «Илиады» Н.И. Гнедич — питомец Харьковского коллегиума. Но в 1794 г. — когда тучи на политическом горизонте Франции сгустились окончательно — французский язык показался подозрительным, и было велено оставить его преподавание в духовных училищах. Заметим в скобках, что из Харьковского коллегиума выходили не только поэты и историки: к числу его выпускников относится и крупный полководец, герой Асландуза генерал П.С. Котляревский, сын священника [17. С. 4 слл].

Философское преподавание (по крайней мере во второй половине XVIII столетия и в начале XIX в.) ориентировалось на вольфианскую систему (что отнюдь не является отличительной чертой нашего училища). Богословское¹ основывалось на системе Феофана Прокоповича; но в уже известной нам инструкции благора-

¹ Класс впервые открыт в 1734 г. [16. С. 175].

зумно предписывалось «лишнюю в оной риторическую красоту и некоторые ругательные слова совсем исключить, однако самый чистый его латинский штиль безо всякого повреждения везде оставить» [11. С. 60]. Впрочем, ученики из дворян не оканчивали богословские классы; последние предназначались только для духовенства. Как и предполагалось по Регламенту, это был самый длительный курс: но если Феофан Прокопович отводил на него два года, то в коллегиуме он растягивался в описываемую эпоху до четырех. Ученики двух старших классов не писали экзерциций и оккупаций, а проводили диспуты на русском и латинском языках; от учеников богословия требовалась также подготовка проповедей чистым российским штилем.

Академик Зуев свидетельствует¹: «Восстановлением и учреждением нового порядка со введением некоторых новых наук — как истории и географии, вследствие чего начали посещать Коллегиум из уезда помещичьи дети, обязано это училище нынешнему Белгородскому епископу Аггею». В 1795 г. преосвященный Феофист ввел в преподавание физику и естественную историю. Но ими интересовались и намного раньше, когда наше училище только было создано. В.Н. Каразин, основатель Харьковского университета, пишет: «Что в Коллегиуме занимались науками еще в царствование Императрицы Анны Иоанновны, нашел я доказательство в письме путешественника, Академии Наук адъюнкта Юнкера, к тогдашнему президенту Академии барону Корфу. Ученый этот хвалит просвещение ректора и префекта и просит содействовать ему к доставлению, в сходство желания их, физических инструментов, именно воздушного насоса и электрической машины» [1]. В 1798 г. в оде, поднесенной епископом Феофистом императору Павлу, так описывался круг дисциплин, преподаваемых в коллегиуме:

Здесь изъясняются нам тайны Божества,
Познание причин, наука естества;
Меж риторством простым и риторством церковным,
Здесь учат составлять речь родом стихотворным,
Здесь учат разуметь, что мусикии тон,
Здесь учат и тому, чему учил Ньютон;
Здесь учат, что добро и что от зла навета.
Внушают здесь и то, что было в прежни лета;
Здесь зрим на хартии изображен мир весь,
Здесь учат и тому, чем славен Апеллес;
И изъясняются языки здесь: славянский,
Латинский, греческий, французский и германский [11. С. 17].

Мы уже говорили о том, что библиотеке коллегиума положили основание книги Стефана Яворского. На каждой из них была следующая надпись: *Mandato Augustissimae Russorum Imperatricis*

¹ Цит. по: [1. С. 401]. Сведения относятся к 1781 г.

Annae, hic liber applicatus est Bibliothecae Collegii Charcoviensis¹. Досточтимый архипастырь приложил к ним свою элегию на прощание с библиотекой².

Сам он, чувствуя приближение смерти, в завещании отказал свою библиотеку «Назарету Нежинскому, сиречь Монастырю Благовещения Пресвятыя Богородицы», им же основанному; часть книг была им лично передана настоятелю Епифанию Тихорскому, с которым читатель уже знаком. Однако через некоторое время Синод востребовал книги в Петербург для подготовки издания «Камня Веры»; они были присланы, а Епифаний занял между тем белгородскую кафедру. Вероятно, он и вспомнил о книгах Стефана Яворского и подал мысль передать это богатое по тем временам собрание новооткрытому училищу. Его преемник Досифей обратился с соответствующим ходатайством, и — не без участия Феофана Прокоповича — 10 сентября был подписан Высочайший указ о передаче библиотеки в Харьков.

В дальнейшем библиотека пополнялась из разных источников. Свои книги дарили белгородские епископы, начиная с преосвященного Епифания (50 названий, 80 томов — не так мало по тем временам!). В 1761 г. стараниями Иоасафа Миткевича на каменных воротах Покровского училищного монастыря были устроены камеры для помещения там библиотеки, для которой в училище уже не хватало места. Сам преосвященный Иоасаф подарил 185 томов. Одним из самых крупных поступлений была библиотека капитана гвардии Петра Шереметева, который по смерти жены пожертвовал до 2000 томов на разных языках. Безусловно, это собрание не могло идти в сравнение с московскими и петербургскими — как академическими и университетскими, так и духовных училищ. Однако для губернского центра эта библиотека, безусловно, была культурным событием неопределимого масштаба.

Жизненный стиль коллегиума отличался — как это и положено духовным школам — строгостью и аскетизмом, что по временам (прежде всего в связи с екатерининскими реформами) переходило всякие разумные пределы. Дм. Феодоровский вспоминает: «Тогдашние воспитанники Коллегиума много терпели нужд, не только в учебных пособиях, но даже в пище и одежде. Это-то обстоятельство, быть может, и заставляло наших прадедов-коллегиумцев (как говорят старожилы), по принятому в то время обычаю, составлять на разные случаи оды, кантаты и псалмы, являться в дома хозяев для приветствий и поздравлений, нередко с босыми ногами даже зимою, рассчитывая на посильную благодарность, а иной раз из-за куска хлеба» [16. С. 190]. Неудивительно, что ревность в таких условиях нередко оказывалась роковой: «...Сидячая жизнь от постоянной переписки лекций, изучения их, нередко имела самое

¹ По указу Императрицы Российской Анны книга сия включена в состав библиотеки Коллегиума Харьковского (лат.) [16. С. 661].

² См.: [14. Текст: VI–VII. Автограф начала элегии: С. 40–41. Подробнее о передаче библиотеки: С. 48–50]. Подробно об элегии и обстоятельствах, вызвавших ее написание, см.: [12. С. 121 слл].

вредное влияние на здоровье юношей. И как жаль, что лучшие из них, полюбив науку и увлекаясь соревнованием пред товарищами, занимались слишком усердно, не по силам, и не замечая, что такие занятия снедают их здоровье незаметно: чахотка, как тать, внезапно являлась к ним, и бедные жертвы падали под ее ударом» [16. С. 231]. В тех же аскетических тонах — и с большой любовью — о своем училище вспоминает и Ф.П. Лубяновский: «Предметов учения было не много, но преподавались ревностно и основательно. Латинский язык приучал к простому, ясному и благозвучному изложению мыслей. Все мы были поэты: без поэзии, без одушевления ума и сердца, проповедь и в храме Божиим будет мертвая буква. Семинарии нынче богаты, а в мое время Харьковский Коллегиум помещался в большом каменном здании с трубою: так назывался длинный и широкий во втором этаже коридор, по обеим сторонам которого огромные аудитории без печей были ни что иное, как сараи, где зимою от стужи не только руки и ноги, но и мысли замерзали. На поправки строений, на содержание до 150 студентов в бурсе и на жалованье всем учителям от инфимы до богословии Коллегиум получал не более 1500 рублей в год: 60 рублей был высший оклад. Но ни холод, ни голод не охлаждали охоты к учению; привыкали мы, сверх того, к нужде и приучались довольствоваться малым, в каком ни были бы состоянии в последствии времени» [15. Стлб. 100–101].

Любопытные сведения о жизни коллегиума в начале XIX в. сообщает его питомец Е. Топчиев [2. С. 688–689]: «Я застал ректором Коллегиума и вместе преподавателем богословия протоиерея Андрея Прокоповича, префектом (инспектором) и преподавателем философии Павла Николаевича Рейпольского. В реторическом (пятом) классе преподавал Яков Васильевич Толмачев <...>. Учившиеся в богословском и философском классах назывались студентами, а в остальных — учениками <...>. Рейпольский был учнее Прокоповича, в познании латинского языка не уступал профессорам Харьковского университета... но по своей скромности, неумению высказаться, где следовало бы, мало кем был замечен <...>. Во время моего ученья в коллегиуме, с 1806 по 1812 год, для каждого класса был особый учитель, который читал положенные в нем предметы преподавания; сам же он и экзаменовал своих учеников при конце года, так что по его одним отметкам переводили нас в высший класс. За шалость и леность учителя не жалели розог для своих учеников — даже из дворян. Главные предметы ученья преподавались до обеда, с семи до одиннадцати часов. В зимние месяцы приходилось сидеть в темноте, в ожидании рассвета. После обеда — арифметика, два раза в неделю: первая часть — для первых трех классов вместе, а вторая — для четвертого и пятого. По программе было предположено преподавание алгебры и геометрии для философского и богословского классов; но по недостатку преподавателей между учителями Коллегиума, для этой, в то время казавшейся ненужной науки, программа, как припомню,

оставалась без выполнения. После обеда преподавались также естественная история, греческий, французский и немецкий языки — для желающих учиться им, без принуждения <...>. Естественная история читалась без объяснений. Бывало, преподаватель спросит урок одного, другого, третьего ученика, и потом прочтает по книге, что назначается выучить к следующей лекции; это была напрасная трата времени для ученика, которому было выгоднее задать урок самому себе по той же книге <...>. Языки, которые преподавались под именем французского и немецкого, ни француз, ни немец не признал бы своими, по выговору и самым фразам». По-видимому, это была достаточно распространенная картина для духовных учебных заведений. Однако не следует делать скоропалительных выводов о качестве преподавания вообще. А.А. Фет вспоминает одного из своих товарищей по университету Иринарха Ивановича Введенского: «Чуть ли не исключенный за непохвальное поведение из Троицкой (т.е. Московской. — А.Л.) духовной академии <...> по латыни Введенский писал и говорил так же легко, как и по-русски, и, хотя выговаривал новейшие языки до неузнаваемости, писал по-немецки, по-французски, по-английски и по-итальянски в совершенстве»¹.

Что касается телесных наказаний, интересную подробность сообщает Владимир Михайлович Каченовский, сын известного историка Михаила Трофимовича Каченовского, получившего образование как раз в Харьковском коллегиуме: «Упомянем о практиковавшемся в Харьковском Коллегиуме поголовном сечении по субботам всех воспитанников ленивых, чтобы были прилежны, и успевающих в учении, чтобы не впадали в леность. Разумеется, такой оригинальный педагогический прием применялся на деле далеко не в равной степени, а для особенно выдающихся прилежанием и благонравием он обращался в одну лишь формальность поднимания и опускания розги»². О суровости нравов свидетельствуют и § 11–12 инструкции для инспекторов; такие документы обычно сочиняются для того, чтобы устранить укоренившееся зло, а исполняются обыкновенно не слишком усердно; автор инструкции, по-видимому, придерживался стоических взглядов на педагогику, заключающихся в том, что смирять и наказывать учеников, конечно, надо, но нельзя при этом на них сердиться. Однако, по-видимому, юноши из дворян пользовались определенными послаблениями (по крайней мере не всегда с ними обращались так сурово, как с выходцами из духовного сословия). А.С. Лебедев приводит любопытный документ — увещательное письмо ректора Иова ученику из дворян Симеону Шабельскому; язык послания отличается изяществом, элегантностью и хорошим вкусом.

¹ См.: [5. С. 231–232]. Это выдающийся случай, но он лишь подчеркивает тенденцию.

² См.: [9. С. 3]. М.Т. Каченовский родился в 1775 г.; следовательно, он должен был учиться в коллегиуме примерно в 1785–1795 гг.

Архимандрит и Ректор Иов
возлюбленному ученику Симеону Шабельскому
с пожеланием постоянства, благочестия, страха Божия и усердия к наукам.

Смотри, что ты делаешь, да не причинит тебе сие величайших неудобств и не послужит к величайшему бесчестию. Ты пренебрегаешь церковью, а ведь первое и важнее, чем она, для тебя ничего быть не должно. Ты подвизаешься в обществе людей бесчестных и пропащих, отвергнув науки, для изучения коих ты сюда и послан. Я слышу, что жилище, в коем ты живешь, ты по своему бесстыдству сделал притоном безделья, приютом легкомыслия, поприщем мотовства, и печалюсь о сем. Но горчайшею болью поражают меня твои ночные отлучки, коих все порядочные и честные избегают; но ты их возлюбил — стало быть, для того, чтоб придать блеску своей знатности. Так-то ты сдержал данное тобою обещание стать честным и усердным! Пусть тебе станет стыдно за прошлое; но не допускай, чтобы к дурному прибавлялось худшее, если не хочешь стать посмешищем и поношением других, когда окажется, что, восприяв достодолжное издвоздаяние за свое непостоянство, будешь отлучен от сообщества с учащимися и занятий со мною. Буди здрав и, если до сих пор был неразумен, выслушай увещание и, благодаря Богу, стань разумным.

Любящий тебя душевно, вышеупомянутый. Принял 1764 года Февраля 8 дня¹.

Среди наставников коллегиума самой крупной фигурой был Г.С. Сковорода, блестящий полемист и мастер диспутов, в конце концов вынужденный оставить место из-за интриг завистников (поскольку его жизнь и философское учение известны достаточно широко, мы позволим себе здесь быть краткими). Одним из выдающихся преподавателей заслуженно считают префекта Михаила Шванского [16. С. 350–351] († 10 июня 1790 г.). Будучи потомственным дворянином древнего рода, он долгое время учился в Киевской академии и в 1765 г. был рукоположен в иереи городского собора (что не должно нас удивлять: на Украине еще в польскую эпоху дворяне в силу сложившейся традиции часто рукополагались в священники); за ревность в исполнении своих обязанностей и особенно за проповеди в 1769 г. он был произведен в сан протоиерея. В 1787 г. в присутствии проезжавшей через Харьков императрицы Екатерины II он произнес речь в честь Ее Императорского Величества, за что коллегиум был удостоен высочайшей милости — тысячи рублей ассигнациями; такую же сумму государыня изволила отпустить на благоуукрашение городского собора. Усердные труды² пагубно сказались на здоровье пастыря и наставника: в 1790 г. он был вынужден оставить должность и вскоре умер пос-

¹ Перевод наш. — А.Л.

² Речь М. Шванского при закладке великой залы наместничества... произнесенная 30 мая 1780 г.: [1. С. 565].

ле непродолжительной болезни на 55-м году жизни. Федор Петрович Лубяновский¹ вспоминал о своем учении в коллегиуме и об атмосфере, царившей там, когда Шванский был в нем префектом: «Отец учил меня Русской и Латинской грамоте, сам большой латинист; по десятому же году моего возраста отвез меня в Харьков, где в коллегиуме по экзамену поступил я в третий класс <...>. Учился я, говорили, не без успеха, с учителями и товарищами болтал полатыне, сочинял хрии и речи <...>. Превосходное учебное заведение был Харьковский Коллегиум, невзирая на все недостатки его в сравнении с нынешним образованием семинарий и вообще всех духовных училищ. В мое время управлял им префект Шванский, муж равно почтенный по жизни и по учености. Был он особенно счастлив в выборе учителей: они имели редкий дар развивать в молодых людях здравый смысл и внушать им охоту, страсть к науке» [1].

С большой любовью и теплотой отзываются и об Андрее Семеновиче Прокоповиче (1756–1826), который сам учился в Харьковском коллегиуме, начал в нем в 1780 г. свое педагогическое служение, получил через десять лет кафедру философии, а в 1794 г. стал префектом и преподавателем богословия. В 1801 г. он был назначен ректором коллегиума, утвержден в этой должности при его преобразовании в 1818 г. и оставил ее только в 1825 г., незадолго до смерти. Кроме этих обязанностей, он был настоятелем кафедрального собора; не раз ему приходилось по поручению духовных властей с опасностью для жизни увещевать раскольников, бывало, лишь случайность спасала его от верной гибели. Он пользовался большим авторитетом на юге России: легендарный Платов доверил ему воспитание своих сыновей. Екатерина II наградила его золотым наперсным крестом с цепочкой и 300 рублями ассигнациями за слово в соборе в день ее коронации; в 1806 г. в знак признания его педагогических заслуг А.С. Прокопович был избран почетным членом Медико-хирургического общества при Императорском Московском университете и Ученого общества при Харьковском университете. По свидетельству Е. Топчиева, на которое мы уже ссылались, это был «в свое время... первый проповедник, а в общежитии — ловкий, находчивый, приятный собеседник, большой анекдотист, умевший кстати вкинуть в разговор латинскую поговорку, привести в доказательство текст из священного писания, и при этом большой хлебосол».

Высоко оценил его труды на поприще просвещения и Александр I. Приведем подлинные тексты его рескриптов:

«Господин протоиерей харьковский Прокопович! Отличные труды и усердие, подъемлемые вами, как по делам епархии, так наипаче и по тамошнему училищу, в коем вы неся достойно звание ректора, подвизаетесь ревностно на пользу церкви, в просвеще-

¹ Ф.П. Лубяновский (1777–1869) — после окончания Харьковского коллегиума поступил в Императорский Московский университет, о котором также оставил интересные воспоминания; впоследствии пензенский (1819–1829) и подольский (1830–1833) гражданский губернатор.

нии юношества и в проповедывании слова Божия, приобрели право особенного Моего к вам благоволения, в знак которого, Я пожаловал вас кавалером ордена св. Анны II класса, знаки одного для возложения на вас при сем препровождая. С. Петербург июля 4-го дня 1803 года.

Александр».

«Отец Андрей, харьковского собора протоиерей и духовного коллегиума ректор! Долговременное и отличное служение вашей Церкви, равно и неусыпные труды ваши, подъемлемые при образовании духовного юношества, обращают на вас Мое внимание, в ознаменование коего, Всемилостивейше жалую вам алмазный знак ордена св. Анны II класса, при сем препровождаемый.

Александр»¹.

В течение почти столетия коллегиум играл огромную роль как главный всеобщий центр просвещения Слободской Украины. Его ученики занимались домашним преподаванием, служили в присутственных местах губернской канцелярии (чью работу без них невозможно себе представить), становились студентами медицинских факультетов и — с середины 1780-х годов — преподавателями народных училищ. Это тяжкое бремя опять-таки целиком легло на плечи молодежи из духовного сословия, которой пришлось работать в новооткрываемых школах за гроши, в условиях практически крепостного права — с запретом менять без разрешения Комиссии об учреждении народных училищ жизненное поприще. Но, безусловно, упадок значения нашего училища связан с реформами начала царствования Александра I, когда в Харькове был создан университет (1805 г.); непосильное бремя отныне не лежало уже на коллегиуме целиком. Духовенство воспользовалось этим и сократило программу преподавания: так, преосвященный Аполлос на представление коллегиумского начальства о сохранении классов рисования для дворян ответил, что есть и другие учебные заведения, а «чертеж фигур не делает проповедников искусными в проповеди» [11. С. 30]. В 1817 г. комиссия духовных училищ при Священном синоде преобразовала коллегиум в семинарию третьего класса. Из него были выделены уездные и приходские духовные училища (ранее входившие в его состав как младшие классы). Однако из уважения к памяти благодетелей коллегиума князей Голицыных за училищем было сохранено прежнее название, утраченное в 1841 г. По свидетельствам учеников, это переименование было встречено с грустью. Но между тем, оно отражало реальный факт: не будучи в состоянии и не испытывая необходимости нести бремя главного центра просвещения Слободской Украины, коллегиум неизбежно должен был превратиться в специальную школу

¹ См.: [16. С. 355]. Второй рескрипт относится к 1811 г. Духовным лицам стали жаловать ордена только в царствование Павла. Относительно места ордена Св. Анны в описываемую эпоху ср. отзыв А.П. Ермолова: «В непродолжительном времени вышли за прошедшую войну награды. Многие весьма щедрые получили за одно сражение при Аустерлице; мне за дела во всю кампанию дан орден Св. Анны второй степени, ибо ничего нельзя было дать менее» [6. С. 61].

духовного сословия. Свою роль он уже сыграл, и эта роль неоценимо велика.

Приложение

Жалованная грамота Императрицы Анны Иоанновны Харьковскому Коллегиуму [18. С. 129–134]

Божиею поспешествующею милостию Мы Анна, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иных Государыня, и Великая Княгиня Новгорода, Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская и вся Северныя страны Повелительница, и Государыня Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных наследная Государыня и Обладательница, Наше Императорское Величество чрез сие объявляем: понеже Дядя наш Петр Великий Император и Самодержец Всероссийский какое особое попечение имел о размножении училищ и школ как духовных для прославления имени Божия и защищения Российския церкви, так и для светских разных наук, о том всем известно, и собственно в регламенте духовном, выданном в 721 году, объявлено, чтобы каждый Архиерей в своих епархиях имел школы и Семинарии, о чем также и другими указами подтверждено было. А ныне Нашему Императорскому Величеству Богомолец Наш Преосвященный Епифаний Епископ Белогородский и Обоянский всеподданнейше бил челом, что он Преосвященный Епископ в своей епархии в городе Харькове к надежде лучшего священства и к защищению Российския церкви основал училищной Покровской монастырь и в нем Славено-Греко-Латинские школы каменные, и учредил тогож Игумена над школами и учителями ректором для лучшего управления и смотрения как учителей, так и учеников, да еще Префекта и учителей, а именно всех семь человек; от чего де не токмо священству, но и отечеству Российскому по милости Божией немалой плод происходит; и чтоб на подкрепление тех школ и свободного в них учения, дабы и впредь было от его сукцессоров содержаны (sic. — А.Л.) ненарушимо, дать Нашу жалованную грамоту. И Мы всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыня Анна Иоанновна, Наше Императорское Величество, слушав оного Богомольца Нашего Преосвященного Епифания Епископа Белогородского и Обоянского челобитья, и усмотря его Архиерейское в том особое попечение и тщание, ревнуя вышепомянутому Дяди Нашего Петра Великого намерению и определению, всемилостивейше пожаловали указами тому Харьковскому училищному Покровскому монастырю и в нем Славено-Греко-Латинским школам, Игумену и Ректору, также учителям быть вечно и ненарушимо, и оной содержать по Нашим императорским указам и по духовному регламенту непремен-

но; а в том монастыре Игумену и Ректору и всем учителям довольствоваться теми доходами, чем они ныне по рассмотрению Епифания Епископа Белоградского и Обоянского, яко первого строителя того монастыря и училища, удовольствованы; а учить всякого народа и звания детей православных не только Пиитике, Риторике, но и Философии и Богословии Славено-Греческим и Латинским языки; такожде стараться, чтоб такие науки вводить на собственном Российском языке, и преподавать учение с усердным тщанием, ревностю и радением, отнюдь не отлучаясь ни в чем святыя Восточныя церкви исповедания; а беспокойных и вражды творящих учителей и учеников унимать и смирять, и ни до какого своевольтва не допускать. Чего ради сею Нашего Императорского Величества жалованною грамотою тот Харьковский училищный Покровский монастырь и в нем школы и в них свободное учение утверждаем; и притом повелеваем всем Нашим подданным как военным, так статским и всякого звания и чина людям тому училищному монастырю и в нем Ректору, учителям и ученикам, в школах обретающимся, также вне монастыря живущим подданным и слугам монастырским отнюдь обид и утеснения никакого не чинить; а ежели кто тому монастырю, также Ректору, учителям школьным и вне монастыря и в школах живущим и обретающимся ныне и впредь будущим учнет чинить какие обиды, или утеснения, в том защищать и по Нашим правам и указам оборонять, и для вящего утверждения реченному Богомольцу Нашему Преосвященному Епифанию Епископу Белоградскому и Обоянскому и по нем будущим сию Нашего Императорского Величества жалованную грамоту за подписанием Нашея Монаршеския руки и печатью государственною утвердить повелели. Дана в Москве Марта 16 дня, 1731, государственования Нашего второго году.

В подлинной:

Анна.

Печать на красном воску.

Граф Головкин.

Образец аттестата [11. С. 93]

Объявитель сего Харьковского Коллегиума ученик школы богословия Ахтырского полку Краснокутского ведомства села Лихачевки церкви Николаевской умершего попа Ивана сын Василий Ковалевский с прошлого 1742 до 1756 года, по указу Их Императорских Величеств обучаяся в Харьковском Коллегиуме рачительно и прилежно, дошел школы богословия и, выслушав оную три года, ныне по указу Ея Императорского Величества, присланному из консистории Его Преосвященства, а по прошению оного Ковалевского, оный Ковалевский от школ для приискания себе где пожелает места уволен. А яко оный Ковалевский, трудясь по указам Их Императорских Величеств в пользу отечества во всю бытность в Харьковском Коллегиуме житие свое честно и бесподозрительно проводил, того ради ему Ковалевскому, яко честному и бесподозритель-

ному человеку, с прошением, дабы яко честный человек и трудившийся по указам Их Императорских Величеств в пользу отечества, милостию от командующих не оставлен был, с Харьковского Коллегиумского собора, за подписанием рук и приложением Коллегиумской печати, во уверение сей увольнительный от школ абшит дан 1756 года Октября 14 дня.

Инструкция для инспекторов (1796 г.)[11. С. 80–84]

1. Во первых, инспекторам учеников своих обучать добронравию и страху Божию и никаких соблазнов пред оными не оказывать, не только делами, но и словами; ежели же какие пороки или страсти в учениках, как-то: гнев, леность и другие примечены были, то всеми образы отвращать от того.

2. Приказывать ученикам при себе читать утренние и на сон грядущих молитвы, а за обедом и за ужином говорить о Законе Божиим и о учениях.

3. За учениками всегда в церковь ходить, особливо до утрени, дабы какого худого случая не воспоследовало, також и вышедши из церкви всегда вместе с учениками прямо идти в дом; в церкви же стоять всех классов ученикам благоговейно, не бродить с места на место, но заниматься пением и чтением, притом приходить благовременно и выходить не прежде, как совсем церковное пение и чтение окончится, в чем наипаче инспекторы обязаны ученикам подавать самими собою примеры.

4. Прилежно учеников обучать и стараться ревностно, чтобы ежедневно в больший учения успех приходили и дорогого времени не теряли.

5. Ученикам оккупации не передиктовывать, понеже оттуда никакой пользы не получают, но всегда сложенные от их исправлять и рассказывать по регулам или с ними вместе слагать, пока сами навькнут; притом учить правописанию, чистописанию, произношению латинскому и российскому по просодии и знакам, разделяющим в речи разум.

6. Оккупации, экзерциции и локуции по регулам разбирать и спрашивать учеников по какому правилу сие или тое сложили.

7. Когда в училища идут ученики, то уроков и других школьных дел выслушивать их. Оккупации прочесть и исправить и подписать: *Correcta lectaque*¹. Також, когда из училищ придут, тотчас спрашивать, чему в школе учено и что читано, и все то повторить и объяснить порядочно с примерами, не отлагая на другое время.

8. Учеников без всяких нужд никуда не пущать из квартир, а когда и нужда какая случится пойти, то ходили бы с ведомом и со сроком, а особливо надобно наблюдать, дабы не ходили по базару без нужды, а где кулачные бои бывают, то и вовсе; по льду бы не кользались, да и самим инспекторам без всякого дела по улицам не бродить и не шататься по чужим квартирам, а особливо по

¹ Исправлено и прочитано (лат.).

бесчестным домам, из чего сами они и дети урон в учении потерпят и бесславию на самих себя и прочих наведут, но всячески старались бы излишнее время употреблять на чтение книг в пользу себя и в пример ученикам.

9. Понеже всякой субботы в училищах о Законе Божиим учение изъясняется, то инспекторы в воскресные дни, изъяснив по утру пред литургиею ученикам того дня положенное Евангелие, долг имеют в том же самом спрашивать их, объяснять им, сколько можно внедряя в мысли силу Закона Божия и добронравия, от коего благополучие жизни зависит.

10. Всегда инспекторам ночевать в доме и ночью никуда не волочиться и приходящих из других квартир или из сиропитательного дома ночевать не допускать учеников ночью никуда, ни за чем не посылать не только далеко, но и близко, не заставляя сапогов снимать и чистить употребляя их на место служителей.

11. Учеников за погрешности наказывать весьма умеренно, по рассмотрению вины, не от гнева, не от злобы, но от усердия пользы их и для исправления, и то в необходимой надобности, а больше стараться исправлять их не столько наказанием, сколько увещаниями.

12. Учеников никогда не бить по щекам, за волосы не рвать, не бить по спине, не штрикать ничем в глаза, в зубы и в груди, также по рукам палкою или толстой палею так, чтобы пала от удара разбилась, как то делают запальчивые.

13. Между толкованием учения и исправлением оккупаций и других школьных дел не кричать на учеников, не бить безразсудно, и изъяснить все порядочно, и сколько можно обстоятельно.

14. С компаниями и гостями в квартиру не водиться, чтобы другие напрасно харчей не ели, и чтоб ученики в пище недостатка не претерпевали.

15. Денег харчевых на свои собственные надобности ни под каким видом не употреблять, а употреблять оные на содержание в пищу и другие необходимые нужды, и то с запискою верной; при том да почтет себе всякий инспектор за неперемный долг наблюдать, чтобы ученики платья и книг каким-либо образом не растеряли, имея всем обстоятельные реестры.

16. Политики, т.е. учтивости, сколько возможно, вежливости, опрятности и чистоте, а наипаче честности и благонравию всемерно учеников обучать, показывая всего сего пример на самих себе.

17. Не призывать живущих в сиропитательн[ом] дом[е] и других из стороны людей для наказания учеников, но буде какие ученики крайне противны¹ инспекторам окажутся, на таковых представлять учителям и ректору.

18. Не давать ученикам прозваний в насмешку никаких, не бранить неблагопристойно, не называть каналами, бестиями, сукиными сынами и другими язвительными словами, тогож самого чтоб и от них не было, наблюдать прилежно.

¹ Не следует модернизировать это слово. Здесь оно говорит о сопротивлении.

19. Учить учеников чисто говорить и от речи простой, грубой и нечистой отводить, учить прямо стоять, а не горбясь и потупя глаза в землю, как то делают настойчивые и прямые.

20. С учениками, ежели они хотя мало в состоянии будут разуметь, говорить по-латински или, кои обучаются по-немецки, дабы чрез частое употребление навык иметь могли в тех языках, каким обучаются, чего самого наблюдать и между учениками.

21. Ежели время будет оставаться свободное от упражнений публичных классов, ученикам назначать или что полезное наизусть учить, или повторять прежнее учение, или другие упражнения определять; во время же рождественских и воскресных дней обязаны инспекторы, кроме школьного повторения, назначать от себя упражнения на прочитанные правила, которые ученики, переписав набело представляли бы, по окончании праздников, гг. учителям.

22. Когда инспекторы с учениками отъезжают в дома до родителей их на вакации, то неперменнейшим долгом да почтут себе упражнять учеников в повторении выученных предметов и в сочинении по оным примеров, внедрять в сердца их ревность к хождению в храм Божий, обязанность к почтению родителей и любовь к добродетели, отнюдь не входя и не замешиваясь ни в какие к себе не принадлежащие дела.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

в пользу юношества, обучающегося в Харьковском Коллегиуме, сочиненная учителем Поэзии Яковом Толмачовым. Москва. В Типографии С. Селивановского, 1805.

Преосвященнейшему Христофору Сулиме, Епископу Слободскому-Украинскому и Харьковскому,

Ордена Св. Анны первой степени кавалеру,

Любителю и покровителю Наук,

Милостивейшему Отцу и Архипастырю

С глубочайшею преданностию посвящает сей посильный опыт трудов своих учитель Поэзии, чистой Математики, Греческого и Французского языков,

Яков Толмачов.

ГЛАВА ВТОРАЯ¹

О разных родах упражнений

Правила без упражнений мало пользуют. Можно выучить правила и знать их по теории твердо: но произвести оные в действие без навыка трудно. Сие подтверждает опыт во всякой науке: посему первое старание ученика должно быть упражнение в сочинении.

Способ и употребление слога. Квинтилиан в разсуждении слога три представляет правила:

¹ С. 17 слл.

1. Не должно спешить в сочинении. Не от поспешности зависит красота сочинения, но от навыка красиво сочинять приобретается поспешность.

2. Не те мысли, которые представляются, тотчас должно изображать, но надобно искать и выбирать из них лучшие; поелику нам обыкновенно представляются прежде всего те мысли и слова, которые во всегдашнем и всеобщем употреблении; а следовательно низкие. Прекрасное и редкое редко и с трудом на мысль приходит.

3. При сочинении выше написанное надобно повторять, а особливо в сочинениях длинных. Ибо сверх того, что, повторяя таким образом, связываем предыдущее с последующим, возбуждаем вместе и жар, который от продолжительных мыслей обыкновенно ослабевает.

4. Четвертое правило представляет Гораций: выбирай материю, сообразную твоим силам...

Ученику должно избирать всегда для описания предмет физический, который он всегда перед глазами видит, не связывая его мыслей никаким сказуемым, на прим. солнце, луна, лес, луг, гром и проч.

Наконец следующие роды упражнений способствовать будут к образованию слога.

I. Синонимы

Однозначашие весьма важны в сочинениях стихотворческих. Ежели чем избежать можно принуждения в стопомерии и в рифмах, то посредством навыка одну мысль представлять в разных словах и выражениях. Господин Херасков изображает различными способами сие предложение.

Уже заря ведет к нам день.

<...>

Такое упражнение весьма много подействует. Ученик, привыкший к разным оборотам слов или выражений, не будет нигде делать своим мыслям принуждения. Посему не лъзя довольно употребить трудов на сие, и самое долговременное упражнение не будет излишним <...>.

Однозначенательные слова и мысли самые лучшие суть те, которые означают одинакие действия вещи, страдания, качества, степени их и проч.

II.

Другой род упражнения сколько приятный, столько и полезный, есть переложение стихов какого автора из одного стопомерия на другое, на прим. переложим следующий четырехстопный стих Господина Державина на шестистопный:

Когда то правда, человек!

Что цепь печалей весь твой век;

Почтож нам веком долгим льститься?
На толь, чтоб плакать и крушиться,
И меря жизнь свою тоской,
Не зная отрады никакой?
Когда на опыте узнал ты, человек!
Что непрерывная цепь горестей весь твой век;
На что же веком нам здесь долгим обольщаться?
На толь, чтоб слезы лить, чтоб плакать, сокрушаться,
И жизни своей дни все меряя тоской,
Не чувствовать в душе отрады никакой?

III

Переводить с одного языка на другой для ученика весьма полезно. Великие мужи образовали себя сим родом упражнения; и это есть единственная цель знания языков. Естли хотим увериться опытом в сей истине, прочтем Виргилия. Его эклоги III, VII, VIII, X суть или очень близкое подражание, или перевод Идиллий Теокрита; в Георгиках много мест, переведенных из Гезиода; и все самые лучшие описания в Энеиде взяты из Поэм Гомеровых. Томсон, Фенелон, Вольтер и другие также пользовались во многих местах Гомером или Виргилием. Но прекрасный перевод их на отечественный язык еще более делает им чести, нежели другим оригинальность <...>.

IV

Четвертый род упражнения, необходимый для ученика, есть подражание. Здесь разумеется не то подражание, которое приобретается чрез долговременное упражнение, глубокое разсуждение, проницательность, когда одного сочинителя дух переливается, так сказать, в другого со всеми красотами и искусством красноречия, но подражание детское, когда тесно по следам автора следуем, изъясняясь в подобной материи теми же почти словами, выражениями и мыслями.

Литература

1. Багaley Д.И., Миллер Д.П. Истории города Харькова за 250 лет его существования проф. Д.И. Багалея и Д.П. Миллера. Т. 1. Харьков, 1905.
2. Багaley Д.И., Миллер Д.П. Истории города Харькова за 250 лет его существования проф. Д.И. Багалея и Д.П. Миллера. Т. 2. Харьков, 1912.
3. Богуславский М.В. Образование // Большая Российская Энциклопедия. Т. 1. Россия. М.: Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия», 2004.
4. Духовный регламент, тщанием и повелением Всепресветлейшего, державнейшего Государя Петра Первого Императора и Самодержца Всероссийского по соизволению и приговору Всероссийского духовного Чина и Правительствующего Сената, в царствующем Санкт-Петербурге, в лето от Рождества Христова 1721 сочиненный. СПб., 1820.
5. Емельянов Ю.М. Московский университет в воспоминаниях современников. 1755–1917. М., 1989.

6. Записки А.П. Ермолова 1798–1826 гг. М.: Высшая школа, 1991.
7. История Киевской академии. Сочинение воспитанника ее иеромонаха Макария Булгакова. СПб., 1843.
8. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви, II. М., 1992.
9. Каченовский В.М. Михаил Трофимович Каченовский. По биографическим трудам Соловьева, Погодина, Давыдова, Кавелина и личным воспоминаниям. Приложение к № 4 «Библиографических записок», М., 1892.
10. Ключевский В.О. Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему // Ключевский В.О. Сочинения. Т. 8. М., 1990.
11. Лебедев А.С. Харьковский коллегиум как просветительный центр Слободской Украины до учреждения Харьковского университета. М., 1886.
12. Либуркин Д.Л. Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII — первая половина XVIII века. М., РГГУ, 2000.
13. Любжин А.И. Латинский язык в Харьковском коллегиуме (1722–1830) // Древний мир и мы. Вып. 3. СПб., 2003.
14. Маслов С.И. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914.
15. Русский Архив. 1872. Кн. 1. Вып. 1–2.
16. Свящ. Дм. Феодоровский. Очерк истории Харьковского Духовного Коллегиума. Духовная Беседа. Т. 19, 1863.
17. Степкин В.П. Его называли «Кавказский Суворов». Донецк: Апекс, 2008.
18. Топографическое описание Харьковского наместничества с историческим предуведомлением о бывших в сей стране с древних времен перемен, взятым к объяснению деяний и хронологии из Татарской Истории Бандур-Хана Абдулгадьи, Российской Истории Князя Щербатова, Начертания Европейской Истории Готтфрида Ахенвалла, и Политической Истории Самуила Пуффендорфа. М., 1788.